

misterium

Солнечная буря
Кровь среди лета
Черная тропа
Пока пройдет гнев твой

КРОВАВАЯ ЖЕРТВА МОЛОХУ

misterium

ОСА ЛАРССОН

КРОВАВАЯ ЖЕРТВА МОЛОХУ

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шве)
Л 25

Åsa Larsson

TILL OFFER ÅT MOLOK

Copyright © Åsa Larsson 2012.

Published by agreement with Ahlander Agency

Иллюстрация на переплете и суперобложке
Анатолия Дубовика

Ларссон, Оса.

Л 25 Кровавая жертва Молоху / Оса Ларссон ; [пер. с швед.
Ю. Колесовой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-699-78992-4

В небольшом шведском поселке, где все друг друга знают, жестоко убита пожилая женщина. На первый взгляд дело кажется тривиальным: налицо бытовое преступление на почве ревности. Но расследование показало, что семью погибшей словно преследует злой рок: один за другим ее родственники гибнут в несчастных случаях. Прокурор Ребекка Мартинссон не верит в проклятия. Ее кредо — «случайных совпадений не бывает». Одержимая внутренними демонами, сражающаяся с затяжной депрессией, бывшая следовательница тянет за еле видные ниточки, вытягивая на свет историю любви и безразличия, страха и предательства, которая началась больше века назад...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шве)

©Колесова Ю. В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78992-4

Я читаю третью книгу Моисея. Бог в ярости, он сердито перечисляет свои законы и наказания, которые постигнут тех, кто им не повинуется. В гневе он исторгает из себя угрозы. В двадцатой главе, под заголовком «Запрещенные культы», Господь говорит, что того, кто пожертвует одного из своих детей Молоху, надо карать смертью — жители страны должны побить его камнями. Бог отвернется от него и изгонит его из своего народа. «Как это можно сделать, если его уже до смерти забили камнями?» — думаю я. А если народ закроет глаза на то, что человек приносит ребенка в жертву Молоху — тогда гнев Господний обрушится на весь его род.

Я читаю о Молохе. Создается впечатление, что это божество, обещающее богатство, обильные урожаи и успехи в войне. Да и какой бог не обещал всего этого? Случались жертвоприношения детей. Статуи Молоха изготавливали из меди, они были полыми. У бога были большие руки. Внутри статуи разжигали огонь, так что она раскалялась. А затем живого ребенка клали в объятия Молоха.

Я думала об этом, когда писала эту книгу. Принести в жертву ребенка — ради успеха, ради славы в этом суетном мире.

Кто бы мог подумать, что собака может так кричать! Самуэль Юханссон никогда раньше не слышал, чтобы собака издавала такие звуки.

Он стоит в кухне и намазывает себе бутерброд. Его охотничья собака — норвежский элкхаунд — привязана во дворе на длинной веревке, позволяющей ей свободно бегать. Все тихо и спокойно.

И тут собака начинает лаять. Поначалу жестко и возбужденно.

На кого она лает? Во всяком случае, не на белку. Лай на белку Самуэль знает хорошо. На лося? Нет, лай на лося глуше и монотоннее.

Затем что-то происходит. Собака кричит. Вопит так, словно раскрылись ворота ада. От этого звука Самуэля Юханссона словно обдает морозным ветром.

А после этого наступает полная тишина.

Самуэль выскакивает во двор. Без куртки. Без ботинок. Без единой связной мысли.

Спотыкаясь в осенней темноте, он бежит к гаражу, к собачьей будке.

И там, под фонарем, освещающим вход в гараж, он видит медведя. Зверь рвет безжизненное тело собаки, пытаясь забрать его с собой, но собака по-прежнему крепко привязана к веревке. Медведь поворачивает к человеку окровавленную морду и ревет.

Самуэль делает неуверенный шаг назад. Затем в нем вдруг открываются сверхъестественные силы, и он несется так, как

никогда раньше не бегал, обратно в дом за ружьем. Медведь будто прирос к земле.

Однако Самуэль уверен, что чувствует, как его затылка коснулось горячее дыхание зверя.

Зарядив ружье, даже не вытерев потные от волнения ладони, он осторожно приоткрывает дверь. Надо сохранять спокойствие, у него всего лишь один шанс попасть точно в цель, если он промахнется, у него не останется времени — уже через несколько секунд раненый медведь навалится на него.

Человек крадется в темноте. Шаг, еще шаг. Волосы стоят дыбом, как иголки.

Медведь на том же месте — заканчивает свою кровавую трапезу. Когда Самуэль снимает ружье с предохранителя, зверь поднимает голову.

Никогда еще Самуэля так не трясло. Надо торопиться. Он пытается унять дрожь в руках, но это не слишком-то получается.

Медведь угрожающе мотает головой. Издает гортанный звук. Возбужденно сопит, как кузнечный мех. Затем делает большой шаг вперед. И тут Самуэль нажимает на курок. Выстрел звучит оглушительно. Медведь опрокидывается на спину, но мгновение спустя поднимается и исчезает в темноте.

Вот он уже скрылся в черном ночном лесу. Фонарь над гаражом светит слишком слабо.

Самуэль пятится обратно к дому, все время прислушиваясь к звукам леса. Медведь может появиться с любой стороны. Видимость — всего лишь несколько метров.

До двери осталось двадцать шагов. Сердце колотится. Пять. Три. Наконец он захлопывает за собой дверь.

Человека так трясет, что ему приходится положить мобильный телефон на стол и придерживать левой рукой правую, чтобы попасть на кнопки. Председатель охотничьего клуба отвечает после первого сигнала. Они решают встретиться, когда рассветет. В темноте все равно ничего не сделаешь.

На рассвете все мужчины деревни собираются на дворе Самуэля. Два градуса мороза. Деревья прихвачены легким морозцем, листва опала, рябина краснеет на фоне серого неба. В воздухе кружатся редкие снежинки — они пока еще не в силах укрыть твердую заиндевевшую землю.

Они оглядывают ужасную картину возле собачьей будки. На веревке остался только череп. Все остальное — кровавое месиво.

Здесь собрались самые крутые. На них клетчатые рубашки, брюки со множеством карманов, пояса с ножнами на боку и защитного цвета куртки. У молодых бороды и кепки, старые тщательно бреются и предпочитают ушанки. Это мужчины, которые сами собирают свои вездеходы. Мужчины, предпочитающие машины с карбюраторами, чтобы возиться с ними самостоятельно, не доверяя сервисным центрам, где теперь только и умеют, что подключить к автомобилю шнур от компьютера.

— Дело было так, — заявляет председатель, обращаясь к мужикам, которые запихивают под губу очередную порцию жевательного табака и поглядывают на Самуэля, у которого непроизвольно дергается лицо. — Самуэль услышал, как ревет медведь. Он взял ружье и вышел во двор. У нас в округе в последнее время видели медведя, так что он догадывался, кто это мог быть.

Самуэль кивает.

— Стало быть, так. Ты выходишь с ружьем. Медведь стоит и грызет пса, переходит в атаку. Ты стреляешь — из соображений самообороны. Он двигался на тебя. Ты не ходил в дом за ружьем. Оно было у тебя в руках с самого начала. Ничего странного. Здесь некого обвинять в нарушении закона об охоте, верно? Я еще вчера позвонил в полицию. Они тут же приняли решение, что это был выстрел в порядке самообороны.

— Кто возьмет его на себя? — спрашивает кто-то.

— Патрик Мякитало.

После этого заявления все замолкают, что-то обдумывая про себя. Патрик Мякитало родом из Лулео. Неплохо было бы, если бы на медведя пошел кто-то из своих. Но ни у кого

нет таких умных собак, как у Патрика. И где-то в глубине души их гложут сомнения, хватит ли у них самих сноровки.

Раненый медведь смертельно опасен. Тут нужна собака, которая не побоится стоять на месте и лаять на зверя, не струсит и не побежит обратно к хозяину, ведя за собой по пятам разъяренное животное.

И у охотника рука не должна дрогнуть, когда персонаж народных сказок вывалится из кустов. Тут счет будет идти на секунды. Площадь смертельного поражения у медведя размером с доньшко кастрюли. А целишься стоя, без опоры. Это все равно что подстрелить на лету теннисный мячик. Проманнешься с первого раза — не факт, что выпадет сделать второй выстрел. Охота на медведя — не подходящее занятие для тех, у кого дрожат руки.

— Про волка речь, а он навстречь, — произносит председатель, глядя на дорогу.

Патрик Мякитало вылезает из машины, приветствует всех кивком головы. Ему около тридцати пяти. Глаза у него чуть раскосые, борода узкая и длинная, как у козла. Самурай из Норрботтена¹.

Патрик говорит мало, больше слушает председателя, потом расспрашивает Самуэля о выстреле. Где стоял он сам? Где находился медведь? Какие патроны были у Самуэля?

— «Орикс».

— Хорошо, — подводит итог Патрик Мякитало. — Большой остаточный вес. Если нам повезло, пуля прошла насквозь. Тогда рана будет кровоточить. Легче выследить.

— А ты сам чем пользуешься? — решается спросить кто-то из стариков.

— «Вулкан». Обычно застревает прямо под шкурой.

«Ясное дело, — думают старики. — Он не подстреливает. Ему не надо выслеживать раненого зверя. Его заботит, чтоб шкуру не попортить».

Сняв ружье с предохранителя, охотник исчезает в лесу. Пару минут спустя он возвращается с кровью на пальцах.

¹ Н о р р б о т т е н — самая северная провинция Швеции, большая часть которой расположена за Полярным кругом.

Теперь он открывает заднюю дверцу фургона. Там в клетках его охотничьи собаки с высунутыми языками и довольными мордами. Ни на кого, кроме хозяина, они даже внимания не обращают.

Патрик Мякитало просит показать ему карту. Председатель приносит из машины карту местности. Они раскладывают ее на бампере.

— Здесь ясно видно, какую дорогу он выбрал. Но если он пойдет с подветренной стороны и пересечет молодую рощицу, то есть риск, что он окажется где-то здесь.

Он показывает пальцем на ручей, который течет в сторону реки Лайниозельвен.

— Особенно если это старый медведь, умеющий дурить собак. Вам придется достать лодку и быть наготове переправить меня, если понадобится. Мои собаки не боятся промочить себе лапы, а вот их хозяин не настолько крут.

Все чуть заметно улыбаются уголками губ, сплотившись при мысли о совместной задаче.

Набравшись храбрости, председатель спрашивает:

— Тебе нужен кто-нибудь на подмогу?

— Нет. Пойдем по следу, там видно будет. Если зверь двинется в ту сторону и выйдет на болота, будьте готовы зайти с другой стороны и устроить засаду. Посмотрим, куда его понесет.

— Его, должно быть, легко будет выследить, раз у него кровотокающая рана, — роняет один из мужчин.

Даже не удостоив его взглядом, Патрик Мякитало отвечает:

— Ну, через некоторое время кровотечение у них обычно прекращается. А затем они могут забраться в самую глушь, сделать крюк и напасть на своего преследователя. Так что, если мне не повезет, он сам на меня найдет.

— Тьфу, черт, — говорит председатель и бросает на того, кто отпустил комментарий, недовольный взгляд.

Патрик Мякитало спускает своих собак. Они мелькают, как два коричневых штриха, и тут же скрываются из глаз. Вслед за ними с навигатором в руках идет он сам.

Теперь остается одно — двигаться вперед. Патрик смотрит на небо в надежде, что не пойдет настоящий снег.

Пробираясь по лесу, он думает об охотниках, которых только что видел. Они из тех, кто сидит в засаде, греется водочкой и в конце концов засыпает. Им никогда не выдержать ходьбы по лесу в его темпе. А сама охота им тем более не по зубам.

Он переходит посыпанную гравием дорогу. На другой стороне виднеется песчаный склон. Медведь тяжелыми шагами взобрался по нему, широко расставляя ноги. Патрик кладет ладонь на отчетливый медвежий след.

Народ в Лайнио уже в панике. Они знают, что медведь иногда подходил к жилищу. Видели медвежьи экскременты у перевернутых мусорных баков — дымящиеся на утреннем морозце, красные, как каша с черничным и брусничным вареньем. Только и разговоров, что о медведе. Старожилы вспоминают былые истории.

Патрик разглядывает следы когтей на земле в том месте, где медведь упирался в нее, чтобы подняться по крутому склону. Похоже, у него на каждом пальце по острому ножу. В деревне измеряли его следы. Клади рядом спичечные коробки для масштаба и снимали мобильниками.

Женщинам и детям велено не выходить из дома. Никто не решается пойти в лес за ягодами. Родители встречают детей на машине у остановки школьного автобуса.

«Похоже, крупный экземпляр, — решил Патрик. — Старый мясоед. Поэтому он и слопал пса».

Теперь он входит в высокий сосновый бор. Здесь местность плоская, идти легко. Деревья стоят нечасто, словно колонны — прямые стволы, никаких веток, лишь кроны, шумящие в вышине. Мох, который летом обычно шуршит под ногами, сейчас мокрый и мягкий.

«Отлично, — думает он. — Шагов не слышно».

Он пересекает заброшенный сенокос. Посредине торчит развалившийся старый сарай. Вокруг него валяются сгнившие остатки крыши. Мороз ударил недавно, земля еще не успела промерзнуть. При каждом шаге Патрик глубоко проваливается в торф, спина вспотела, он начинает чувствовать, что устает. Воздух пахнет навозом и ржавой водой.

Вскоре следы сворачивают, направляясь в заросли в сторону Вайккойоки.

Несколько ворон где-то рядом каркают в сером утреннем воздухе. Лес становится все гуще, будто деревья устали бороться за жизненное пространство. Тонкие сосны, серые ветки елей. Чахлые молодые березки, с которых еще не облетела вся листва, — желтые пятна на фоне болотно-зеленого и серого. Видимость — не более пяти метров, а скорее и того меньше.

Теперь охотник движется вдоль ручья. Временами ему приходится раздвигать ветки руками. Он видит лишь на несколько метров впереди себя. Наконец он слышит лай своих собак — три звука, отрывистых и злых, а потом опять наступает тишина.

Патрик понимает, что это значит. Они подняли зверя. Выгнали его из-под коряги. Когда они ощущают острый запах медвежьего лежбища, то обычно начинают отрывисто лаять.

Через двадцать минут до него снова доносится лай собак. На этот раз в этих звуках остервенелость и радость скорой расправы — догнали зверя. Патрик бросает взгляд на навигатор. До них полтора километра. Гончий лай. Они начали преследование. Надо идти вперед. Пока спешить незачем. В душе он надеется, что молодая сучка не подойдет слишком близко. Она слишком импульсивна. Вторая работает спокойнее. Может лаять, стоя на безопасном расстоянии. Ближе чем на три метра она обычно не подходит. Сейчас они должны держаться от добычи в четырех-пяти метрах. Подстреленный медведь нетерпелив.

Через полчаса Патрик понимает, что собаки и преследуемый ими зверь остановились.

Конечно же, в самой чаще. Одни ветки, и никакой видимости. Он продолжает идти, до цели не больше двухсот метров.

Ветер сбоку. Это ничего. Медведь не должен его учуять. Охотник снимает ружье с предохранителя. Идет вперед. Сердце колотится.

«Ничего, — думает Патрик. — Немного адреналина не мешает».

Осталось пятьдесят метров. Он щурится, вглядываясь в заросли, откуда доносится лай. На собаках жилеты, с одной стороны, неоново-зеленые, с другой — неоново-оранжевые: так их легко заметить в самой гуще леса, а когда дойдет до дела, он с легкостью поймет, куда смотрит собака.

В этот момент среди деревьев мелькает что-то оранжевое. Какая из его любимиц? Сейчас не разобрать. Обычно загнанный зверь должен находиться между собаками. Патрик вглядывается, щурится, как можно тише отходит в сторону, готовясь в любую минуту выстрелить, перезарядить, выстрелить снова.

Ветер меняет направление. Тут Патрик замечает вторую собаку. Они стоят метрах в десяти друг от друга. Где-то там, посередине, должен быть медведь, хотя охотник его пока не видит. Нужно подойти ближе. Однако теперь ветер дует ему в спину. Плоховато дело. Человек поднимает ружье.

С расстояния в десять метров он видит медведя. Стрелять невозможно. Между ними слишком много деревьев и зарослей. Внезапно зверь поднимается на лапы, учуяв запах человека, и кидается вперед. Все происходит мгновенно. Патрик не успевает и глазом моргнуть, как расстояние между ними сокращается наполовину. Только ветки трещат под лапами у разъяренного зверя.

Патрик стреляет. Первый выстрел заставляет медведя чуть отклониться в сторону. Но он продолжает бежать. Второй выстрел — прямо в цель. В трех метрах от охотника медведь падает замертво.

Собаки немедленно кидаются на зверя. Треплют его за уши. Кусают шкуру. Патрик не мешает им. Это их награда.

Сердце стучит, как открытая дверь в штормовую погоду. Патрик переводит дух, произнося слова одобрения собакам: «Отлично», «Ты моя девочка», «Моя дорогая помощница».

Он вынимает из кармана телефон. Звонит охотникам.

До беды было рукой подать. Он думает о сыне, о своей девушке, но тут же поспешно отгоняет эти мысли. Смотрит на медведя. Большой. Очень крупный. Почти совсем черный.

Охотники оказываются на месте достаточно быстро. На их лицах смешанное выражение уважения и признательности. Они связывают тушу медведя ремнями, кладут их себе на плечи, пропуская под мышками, чтобы протащить зверя через лес к поляне, куда может пробраться вездеход. Они тянут с напрягом, как волю. Большой и тяжелый зверь.

Приезжает инспектор Губернского совета. Он осматривает место, где был убит медведь, чтобы убедиться, что никто не нарушил запрет на охоту. Затем он берет все необходимые образцы на анализ, пока мужики тихонько переводят дух. Он отрезает пучок шерсти, кусок шкуры, яички, ножом выковыривает зуб для определения возраста.

Затем этим же ножом он разрезает медведю живот.

— Посмотрим, что наш мишка кушал?

Патрик Мякитало привязал своих собак к дереву. Они то и дело поскуливают и тянут веревки. Это их добыча.

От содержимого желудка поднимается пар. Запах невыносимый.

Некоторые из мужчин невольно делают шаг назад. Они знают, что там. Останки собаки Самуэля Юханссона. Об этом известно и инспектору.

— Так-так, — говорит он. — Ягоды и мясо. Шкура и кожа.

Он ковыряет в полупереваренной массе палочкой. Уголки его рта неожиданно опускаются в удивленной гримасе.

— Но ведь это, черт побери, не...

Он умолкает. Вынимает несколько кусков кости правой рукой, на которую надета силиконовая перчатка.

— Проклятье, что же он такое сожрал? — бормочет он, ковыряя палочкой.

Мужчины подходят ближе. Чешут затылки так, что кепки съезжают на лоб. Кто-то вынимает очки.

Инспектор рывком выпрямляется. Поспешно пятится. Двумя пальцами он держит кусок кости.

— Знаете, что это такое? — спрашивает он.

Лицо у него посерело. От его взгляда у остальных мурашки бегут по коже. Лес замер. Ни ветерка. Ни птичьего крика.словно вся природа молчит, храня тайну.

— Бьюсь об заклад — это не собачьи кости.

23 октября, воскресенье

Осенняя река по-прежнему говорила с ней о смерти. Но уже по-другому. Раньше река была черной. Она говорила: «Ты можешь все прервать. Ты можешь выбежать на тонкий лед — так далеко, как успеешь, пока он не проломится под тобой». Теперь река говорила ей: «Ты, моя девочка, всего лишь краткий миг». Это звучало как утешение.

Районный прокурор Ребекка Мартинссон мирно спала в самые глухие часы ночи. Она больше не просыпалась от тоски, давившей и рвавшей ее изнутри. Никаких наплывов потливости, никакого учащенного сердцебиения.

Ей не случалось больше стоять в туалете и смотреть в черные зрачки, желая отрезать себе волосы или что-нибудь поджечь, лучше всего — саму себя.

«Все хорошо», — говорила она. Самой себе и реке, а иногда и кому-то другому, кто осмеливался спросить.

Все хорошо. Справляться с работой. Убираться в своем доме. Не мучиться от бесконечной сухости во рту и сыпи на коже от лекарств. Спать по ночам.

Иногда она даже смеялась. А река текла себе, как за многие поколения до нее, и как будет течь, когда от нее не останется ни следа.

Но сейчас, пока горела мимолетная искорка жизни, Ребекка могла смеяться и поддерживать чистоту в доме, выполнять свою работу и курить на крыльце на солнышке. А затем она превратится в ничто.

«Не так ли?» — вопрошала река.

Ей нравилось поддерживать чистоту. Сохранять порядок, оставшийся со времен бабушки. Она спала в алькове на резной раздвижной кровати. На полу лежали тряпичные коврики, сплетенные ее бабушкой.

Откидной стол и стулья были выкрашены голубой краской и истерты в тех местах, где лежали руки, где упирались ноги. На полке теснились сборники проповедей Лестадиуса¹,

¹ Ларс Леви Лестадиус (1800–1861) — шведский пастор, возглавивший церковное движение, основанное на лютеранстве, по его имени названное лестадианством.